

ВСТРЕЧА В СИВЦЕВОМ ВРАЖКЕ

Официального признания на родине он так и не дождался, но умер все-таки не рабом обстоятельств, а свободным и счастливым человеком

Москва. Начало шестидесятых. Большая мансарда высокого старого дома в Сивцевом Вражке. Мы с мужем в гостях у Николая Алексеевича Плевако.

Николай Алексеевич — человек недоужинный. Замечательный конструктор. Живописец. Пианист. Композитор. Актер. Страстный путешественник. Обладатель уникальной фонотеки. Не случайно дорогу в эту мансарду хорошо знают музыканты, певцы, актеры, редакторы Всесоюзного радио. У Плевако нередко звучит то, чего на официальной концертной эстраде не услышишь. Сегодня здесь слушают оперу Стравинского...

Музыка не мешает думать. Взгляд рассеянно скользит по комнате. Кажется, на стенах были картины. Я их не помню. И вдруг...

Тридцать лет прошло, а небольшая рисунку тушью — обнаженная в прыжке — и сейчас стоит у меня перед глазами. Маленькое чудо на листке обыкновенной писчей бумаги. Так хочется рассказать о нем словами! Нет, невозможно. Все равно что рассказывать музыку Моцарта.

Так состоялась моя первая встреча с искусством Анатолия Зверева. А вскоре, заметив наш неподдельный интерес, Николай Алексеевич пришел к нам с громадной папкой зверевских рисунков, и они обрушились на нас подобно лавине сверкающих алмазных осколков.

В тот вечер ни о чем, кроме как о Звереве, разговора не было, и рассказ Николая Алексеевича, такой горячий, такой сочувственный, произвел на нас глубокое впечатление. Все, слышанное или читанное мною о Звереве потом ни в какое сравнение с ним не идет. Жаль, что Николай Алексеевич уже не может повторить его сам. Остается лишь по мере сил пересказать своими словами то, что запомнилось. А запомнились не слова — судьба.

Тернистая, несправедливая, горькая. И ослепительная, как судьба всякого гения.

Она начиналась в бревенчатом доме, на задворках Москвы, в дебрях страшного нищего быта, где тоску заливают горьким зельем, а ноги моют в первобытном деревянном ушатке, увековеченном Зверевым на бумаге.

Хилый странный мальчонка рано открывает в себе художника. Но врожденный психический недуг неизбежно станет преградой между ним и обществом «нормальных», помешает систематическому образованию. Он неуживчив, вспыльчив, неровен. Порой впадает в самоубийство. Порой самоуверен и самовлюблен до наглости. Впервые попав в respectable интеллигентский дом, брезгливо рассматривает прекрасные картины и вызывающе спрашивает: «Что это у вас за мазня?», а на вопрос, кого же из художников удостаивает он признанием, отвечает: «Только себя и Рембрандта!»

Случай приводит его к Румневу, известному московскому артисту, чья жизнь издавна поделена между сценой и мольбертом. Румнев знакомит Зверева с Плеваком. Оба они принимают горячее участие в судьбе талантливого юноши. И это тем дороже, что не так уж легко дается. Его беззащитность, полнейшая непригодность к жизни хоть кого поставят в тупик. Деньги для него — как те ракушки, которые собирала на дне речном маленькая пушкинская русалочка. Вещи в его глазах не имеют никакой цены. Ему покупают пальто, и он тут же отдает его на улице сомнительному приятелю-собутыльнику. То же, конечно, произойдет с деньгами, и потому давать их надо с оглядкой, понемногу: на бумагу, на краски, не больше.

Его постепенно приобщают к литературе, которой он почти не знает. Предлагают то Лермонтова, то Гоголя. Тщательно ограждают от Достоевского, опасаясь травмировать неустойчивую психику. И — стран-

ное дело! — на одном из многочисленных зверевских автопортретов Толя — вылитый Мышкин! А впечатление от Лермонтова и Гоголя так сильно, что он как бы внедряется в их оболочку. Тому свидетельствуют другие автопортреты: Толя-Лермонтов, Толя-Гоголь. Есть еще и Толя-Рубенс в лихо заломленной широкополой шляпе. Бог знает, сколько таких отождествлений разбросано по свету в зверевских рисунках, возникающих везде и всюду, ежеминутно, с поразительной легкостью и с той же легкостью оставляемых где придется.

Честь и слава тем, кто любовно, бережно подбирал драгоценные зверевские листки и картонки, чтобы когда-нибудь подарить человечеству! К счастью, в творческой судьбе Зверева Румнев и Плевако не одиноки. Может быть, не все относились к нему столь же бескорыстно. Но так или иначе, их стараниями сохранено многое.

А у самого Толи ничего не задерживается! Он живет, как птица. Сегодня ночует здесь, завтра — там...

К началу шестидесятых годов о нем уже знают во всем мире. Работы его неведомыми автору путями попадают за рубеж. Они есть в каталогах крупнейших западных музеев. Французский дирижер Марквич устраивает его выставки во Франции. Пикассо передает ему приветы и называет лучшим рисовальщиком мира. И только на родине Зверев — диссидент, модернист, отщепенец. И самое обидное, что сам он в этой репутации не виноват ни сном ни духом.

Однажды приехал в Москву известный обозреватель американского «Лайфа» и, возвратясь восвояси, поместил в журнале статью о положении художников в советской России. Статью сопровождали репродукции. Под одной — с картины Александра Герасимова — было подписано: «Что у них выставляют», под другой — с рисунка Зверева — «Что у них не выставляют». Казалось бы,

при чем тут сам Зверев? Но это ему не простится. Статья в «Лайфе» надолго определит отношение советских чиновников от культуры к его личности.

Настанет, впрочем, день, когда растущая популярность Зверева за рубежом заставит их призадуматься. Его призывают в министерство. Конечно, не за тем, чтобы приобрести зверевские картины для Третьяковской галереи. Просто сообразят наконец, что легко сделать их источником государственного дохода, выгодно обменять на иностранную валюту. Барственно пожурился (зачем продает картины за границу), Звереву предложат представить свои работы. Он ответит, что ничего при себе не имеет. Разумеется, ему не поверят. Никому и в голову не придет, что он говорит сущую правду: Анатолий по-прежнему живет перелетной птичкой, беззаботно разбрасывая сокровища своего гения где попало.

Времена меняются. Искусство Зверева давно перестало быть табу. То и дело возникают его выставки. Зверевская живопись, зверевская графика мелькают на страницах альбомов, журналов. О нем много пишут, нередко называя самым ярким представителем русского изобразительного авангарда. Так ли это?

Я не искусствовед, и классификация — не мое дело. Но, думаю, творчество Зверева не из тех, что могут быть втиснуты в одну какую-нибудь клетку какой бы то ни было «периодической системы». Скорей всего это «реализм без берегов», где шкала условности беспредельна, а изобразительные средства, продиктованные характером модели, всегда найдены заново и потому непредсказуемы. Один рисунок до того иллюзорен, что даже самый въедливый, самый кондовый «реалист» не придерется. Другой — предельно обобщен или небрежно недорисован в точном расчете на воображение зрителя. Третий и вообще далек от реальности.

В зверевском цикле «Сokolники» неоднократно фигурирует некий дядя Костя, пьянучка с пустыми оловянными банками. Он нарисован без единой погрешности против природы. Но вот в одном случае у него вместо руки — штопор. Что это? Авангардизм? Или просто остроумная деталь, образно выявляющая сущность человека?

Но это я так, к слову. Напоследок хочется сказать о другом.

Сейчас, когда русское искусство впервые за семь десятилетий вздохнуло наконец свободно, многие загубленные, изуродованные художнические судьбы вызывают к осмыслению как никогда властно.

На мой взгляд, судьба Зверева — яркий пример внутренней независимости художника, умудрившегося, несмотря ни на что, прожить в своем творчестве радостно и естественно. Официального признания на родине он так и не дождался, но умер все-таки не рабом обстоятельств, а свободным и счастливым — да, да, счастливым человеком! Хотя бы уже потому, что сумел выстоять, состояться — вопреки всему: болезни, нищете, бездомью, горестному изгойству.

Мне повезло: многое из зверевского наследия прошло у меня перед глазами. Собрание Румнева. Собрание Пинского. Рисунки из коллекции Костяки... И все-таки стоит мне подумать о Звереве, как тут же непременно вспомнятся мансарда в Сивцевом Вражке, «Обнаженная в прыжке» и Николай Алексеевич Плевако — человек, чья бескорыстная преданность красоте не один год поддерживала художника на его крестном пути. Спасибо ему. Вечная память!

Эмилия
АЛЕКСАНДРОВА.

● А. Зверев. Портрет Н. Плевако.

● А. Зверев. Автопортрет. [Из коллекции З. Поповой].

